

¹Толстая С.А. Дневники: в 2 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 497.

²Мопассан Г. Собр. соч.: в 10 т. Т.2. – М.: Терра, 1996. – С. 115.

³Там же. – С. 124.

⁴Буланов А.М. Логика сердца в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Русская литература. – 1991. - №3. – С. 32.

⁵Мопассан Г. Собр. соч.: в 10т. Т. 2. – М.: Терра, 1996. – С. 284.

O. Rudneva

Family values in the works of L.N. Tolstoy and Guy de Maupassant?

The article is devoted to Russian-French cultural relations, in particular, the creative dialogue between Tolstoy and Maupassant in the context of understanding family values. The problems of the dialogue of cultures are very important for a modern world.

Keywords: *existential problems, biological objective law, gender relation, «spiritual concomitance», the tragedy of love and family*

С.А. Кибальниченко

Лев Толстой в оценке Вячеслава Иванова, или почему Сократ?

Вячеслав Иванов первым провел параллели между Толстым и Сократом. Такое уподобление восходит к книге Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», оказавшей огромное влияние на теоретика символизма и основывавшейся на противопоставлении Сократа и Эсхила, воплотивших в своем творчестве разные типы культуры. Созданную предшественником схему Иванов использовал, чтобы осмыслить духовные процессы, происходящие в современном мире. Образ Сократа, нарисованный в «Рождении трагедии», он спроецировал на Толстого, а место Эсхила было отведено Достоевскому. Подобная методология привела к тому, что в статье, посвященной Толстому, Иванов практически ничего не сказал о его художественных произведениях.

Ключевые слова: *александрийская культура, Ницше, Сократ, Достоевский, миф, роман-трагедия.*

Статьей «Лев Толстой и культура» поэт и теоретик символизма Вячеслав Иванов откликнулся на смерть великого писателя. Небольшой текст, первоначально опубликованный в журнале «Логос», он впоследствии включил в сборник своей философской прозы «Борозды и межи». Любопытно, что ни одна статья в этой книге так не заинтересовала Льва Шестова, как упомянутое выше эссе, посвященное яснополянскому старцу. Не принимая высказанные в нем мысли, философ написал полемическую статью «Вячеслав Великолепный». Иванов в ней оказался причисленным к особой «школе», берущей свое начало от Достоевского и стремящейся «столкнуть Толстого с того места, которое отведено ему историей на русской земле»¹. Несмотря на экспрессивность стиля, Шестов довольно точно расставил акценты. Поспорить с ним можно лишь по поводу родоначальника этой «школы».

По крайней мере, в философской критике подобное направление утвердилось благодаря Владимиру Соловьеву, не принявшему «абстрактную толстовскую мораль»². Его последняя книга «Три разговора» во многом была посвящена критике религиозных идей яснополянского старца. Однако еще в 1880-е г. Соловьев противопоставил «неподвижный» художественный мир Толстого, где «все ясно и определено», иной картине жизни, запечатленной в произведениях Достоевского. Для ее описания философ подобрал совсем другие слова: «Здесь все в брожении, ничто не установилось, все еще только становится»³. Разделившая двух писателей межа, наспех проведенная Соловьевым, стала еще глубже и, наконец, превратилась в труднопроходимый ров благодаря исследованию Д.С. Мережковского. В нем уже утверждалось, что «Достоевский в своей противоположности совершенно, хотя и *обратно подобен* Л. Толстому»⁴. Намеченную предшественниками линию продолжил и Вячеслав Иванов. В духе Мережковского он назвал Толстого «антиподом Достоевского»⁵. Было бы, тем не менее, непростительной ошибкой вносить теоретика символизма в разряд эпигонов, тиражирующих чужие мысли. Напротив, оппозиция Толстой – Достоевский приобрела в его творчестве особый смысл.

Новаторство Иванова проявилось в том, что он первым в литературной критике провел параллели между Толстым и Сократом. В науке утвердилось мнение, что такое сравнение не лишено смысла из-за «доминирующей роли этико-антропологической проблематики»⁶ в мировоззрении русского писателя. Вот только у современников Иванова рождались иные ассоциации. У Петра Струве, например, встречается выражение «Лев Толстой античности». Но отведена эта роль софисту Антисфену за то, что тот был одновременно и «анархистом», и «моралистом», и «рационалистом»⁷. С.Л. Франк видел во Толстом религиозного мыслителя, ослепленного созерцанием божественного света, а потому воспринимающего обыденную жизнь как абсолютную тьму. Такой же трагической фигурой был и «духовный брат»⁸ русского писателя – Платон. Пережитую внутреннюю драму античный философ выразил в диалоге «Государство», где красочно описана пещера, населенная людьми. Ее обитатели видят лишь тени, «отбрасываемые огнем на расположенную перед ними стену» (R. P. VII 515b). С.Л. Франк в статье 1910 г. «Памяти Льва Толстого» так же, как и Иванов, пытался «осмыслить свою скорбь и любовь»⁹ к недавно ушедшему из жизни гениальному писателю. Но какими разными оказались чувства, слова и оценки!

Приведенные выше суждения наводят на мысль, что духовное родство Толстого и Сократа еще требует доказательств. Примечательно, что аналогию между ними Иванов и сам признал «несостоятельной». К ней он прибегнул только из-за того, что «греко-латинская древность <...> упреждает и предопределяет в простых и совершенных формах многочисленные явления современности» (IV, 597). Однако теоретик символизма не ограничился тем, что разъяснил читателю свою методологию, вызвавшую к жизни образа Сократа. Иванов, предположительно, завуалировал свои мысли из опасения, что у читателя неминуемо возникнут ассоциации с книгой «Рождение трагедии

из духа музыки». В этой ранней работе Ницше использовал античность как модель для осмысления процессов, происходивших в германской культуре. Он исходил из того, что в своем духовном развитии современное человечество проходит тот же путь, что и древние эллины, но только в *обратном* порядке. Подобную методологию использовал и Иванов, но уже применительно к культуре России рубежа XIX–XX вв.

Так что же знаменует собой образ Сократа, появившийся в статье Вяч. Иванова «Лев Толстой и культура»? Разобраться в лабиринтах ивановской мысли поможет имя Фридриха Ницше, чей знаменитый афоризм о растущей пустыне¹⁰ Иванов перефразировал применительно к внутреннему миру Толстого. Одновременно в тексте появился и образ *льва*, также заимствованный из книги «Так говорил Заратустра». Соединившись вместе, два ключевых слова породили целую россыпь смыслов. «Лев пустыни» превратился в «гневного льва», что в итоге вылилось в мысль о «великой ярости гордого духа» (IV, 593), свойственной Толстому. Нельзя не заметить, что образы из произведений Ницше предваряют собой упоминание о Сократе. В философской прозе Иванова, где каждая деталь несет семантическую нагрузку, такое сопряжение двух имен имеет огромное значение. На подобное обстоятельство первым обратил внимание еще Лев Шестов.

В «Вячеславе Великолепном» он привел две просторные выдержки из книги «Борозды и межи», содержащие «тонкое и искусное изложение идей Ницше»¹¹. Первая из них была посвящена двум противоположным началам, лежащим в основе любого произведения искусства. Вторая цитата содержала размышления о Сократе, который пытался при помощи морали «заклясть хаос покинутого богами бытия»¹². Теперь оставалось только выявить связующее звено между двумя этими фрагментами, чтобы подобрать ключ к построениям Иванова. Но интуиция неожиданно изменила автору статьи. С верного пути мысль сбилась из-за ницшевской книги «Сумерки идолов», отдельная глава которой посвящена афинскому философу¹³. Под ее влиянием Шестов написал: «О Сократе то, что рассказывает Иванов, Ницше говорил в своих последних произведениях. Тогда же он назвал Сократа декадентом»¹⁴. Ключевым здесь является последнее слово. Льву Шестову важно было вплести в ткань своих рассуждений термин «декадент», чтобы в итоге объявить «упадочником» и самого Иванова. Но не стоит упрекать философа, которого увела на ложный путь заранее поставленная цель. Ведь и поэт-символист приложил немалые усилия, чтобы у читателя не возникло ассоциаций ни и с «Рождением трагедии...», ни с изображенным на ее страницах Сократом. Иванов ведь не ограничился тем, что за «мнение гуманистов» выдал свой важнейший методологический принцип, позаимствованный из этой книги. Поэт еще сильнее запутал следы, когда в статье «Лев Толстой и культура» намеренно заострил внимание на поздних сочинениях Ницше.

Но утаить все детали, свидетельствующие об ориентации на «Рождение трагедии...», Иванову не удалось¹⁵. Напомним, что в этой книге противопоставляется трагическая (дионисийская) и александрийская культура. Первая из них имеет осязаемую связь с мистериальными истоками, вторая –

основана на господстве разума и науки, уничтожающих все жизненные инстинкты. Наиболее полно трагическое мирозерцание выразилось в творчестве Эсхила. Не стоит забывать, что свою книгу Ницше посвятил не столько *рождению* трагедии, сколько ее *смерти*. Убийцами великой эллинской культуры предстали «кощунствующий Еврипид» и Сократ, «этот мистагог науки» и «деспотический логик». На афинского философа, которому совершенно чуждо было «прекрасное безумие художественного вдохновения»¹⁶, возложена главная вина за гибель аттической трагедии. В итоге Ницше выстроил четкую оппозицию Эсхил – Еврипид (Сократ), знаменующую собой противостояние двух непримиримых типов культуры.

Из книги «Рождение трагедии...» теоретик символизма позаимствовал мысль о том, что «мы переживаем главнейшие эпохи жизни эллинского духа как бы в *обратном* порядке и теперь как бы переходим из александрийского периода назад, к эпохе трагедии»¹⁷. Эта идея наиболее отчетливо воплотилась в ранней философской прозе Иванова, например, статью «Кризис индивидуализма», которая была посвящена описанию знамений, свидетельствующих о коренном переломе в духовной жизни человечества. В духе Ницше Иванов мог бы назвать этот текст «Кризисом александрийской культуры». Однако уже тогда поэт начал широко использовать собственную терминологию, чтобы выразить идеи своего предшественника. «Александрийскую культуру» поэт заменил на «индивидуализм», «эпоху трагедии» – на «соборность» (I, 839).

В сборнике философской прозы «Борозды и межи» Иванов применил к русской культуре рубежа XIX–XX вв. уже знакомую ницшевскую схему, основанную на противопоставлении Эсхила и Еврипида. Место первого из них досталось Ф.М. Достоевскому, которому в книге посвящено интересное исследование «Достоевский и роман-трагедия». Другому эллинскому драматургу также нашлась замена. Эта роль была отведена И. Анненскому, статья о котором также была помещена в «Бороздах и межах». В ней были последовательно проведены параллели между древнегреческим классиком и современным русским поэтом. Последний в итоге был объявлен «нашим новым Еврипидом» (II, 582). Однако нарисованная Ивановым схема вряд ли могла быть убедительной: слишком уж несопоставимы по масштабу были Достоевский и Анненский. Предвидя такую трудность, теоретик символизма на первый план выдвинул Сократа, который, как учил Ницше, идейно был тесно связан с Еврипидом. Роль афинского философа и досталась Толстому. Любопытно проследить, как те же характеристики, которые Ницше приписал учителю Платона, теоретик символизма спроецировал на русского писателя. В «Рождении трагедии...», например, постоянно подчеркивается, что Сократ был чужд духу музыки. Такое же качество нашлось и у Толстого, подтверждением чему стала его повесть «Крейцера соната». Она, по мысли Иванова, наглядно показала, что гениальный писатель оторвался от «стихии музыки» (IV, 593).

Этот пример позволяет осознать еще один важнейший методологический принцип, которым руководствовался поэт-символист. Иванова интересовал не столько реальный Сократ, сколько *миф*, созданный о нем в «Рождении

трагедии...». Точно такой же подход поэт применил и к гениальному русскому писателю. На первый план в статье Иванова вышел ницшевский *миф о Сократе*, спроецированный на Толстого. Однако подобная стратегия привела к неожиданным последствиям. Ориентируясь на образ Сократа, Иванов вынужден был и в Толстом видеть мыслителя, философа и моралиста, но не гениального прозаика. Стоит ли удивляться, что в статье, посвященной Толстому как великому писателю, поэт-символист лишь вскользь упомянул о его художественном творчестве.

Последнее обстоятельство не могло ускользнуть от пронизательного взгляда Льва Шестова. Прочитав рассуждения поэта-символиста о Толстом, философ искренне удивился: «Если бы эти слова написал не В. Иванов, а иностранец, немец или француз, я бы сказал, что он просто не читал Толстого, не знает, что есть «Война и мир», «Анна Каренина», или знает их в дурном переводе. Я бы подумал, что, вероятно, произведений последних годов Толстого совсем нет в переводе, что сказки Толстого ему недоступны, а о «Смерти Ивана Ильича» или «Отце Сергии» он и не слышал. Но, конечно, по отношению к В. Иванову такое предположение недопустимо – он превосходно знает всего Толстого»¹⁸. Однако объяснить подобный парадокс Шестов не смог, да и вряд ли это можно было бы сделать, не принимая во внимание особенностей методологии, которой руководствовался поэт-символист.

К сказанному остается добавить, что оппозицию *Достоевский – Толстой* Иванов выстроил не только в «Бороздах и межах». В книге «Достоевский: трагедия – миф – мистика», впервые опубликованной в Тюбингене в 1932 г. на немецком языке, теоретик символизма также противопоставил двух великих писателей. Это лишний раз свидетельствует о том, какое огромное значение имела для русского поэта работа Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». Сказанное позволяет предположить, что и термин «роман-трагедия» (IV, 399), который Иванов использовал для характеристики творчества Достоевского, менее всего был обусловлен потребностями литературоведческого анализа¹⁹. Скорее всего, его вызвали к жизни те же причины, что породили образ Толстого в книге «Борозды и межи». Создавая миф о «русском Эсхиле», Иванов подкрепил его термином «роман-трагедия».

¹ Шестов Л. Соч. в 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1993. – С. 247–248.

² Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М.: Молодая гвардия, 2009. – С. 413.

³ Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 233.

⁴ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. – М.: Наука, 2000. – С. 468.

⁵ Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. I–IV. – Брюссель, 1971–1987. – Т. IV. – С. 595. Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской).

⁶ Паперный В.М. К вопросу о системе философии Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 796.

⁷ Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – С. 469.

⁸ Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. – С. 454.

⁹ Там же. – С. 445.

¹⁰См.: Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1997. – С. 221.

¹¹Шестов Л. Указ. соч. Т.1. – С. 261.

¹²Там же.

¹³Ницше Ф. Указ. соч. Т. 2. – С. 563–567.

¹⁴Шестов Л. Указ. соч. Т. 1. – С. 261.

¹⁵См.: Кибальниченко С.А. Языческая Книга Бытия. Трагедия Вячеслава Иванова как мифотворческий эксперимент. – Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 25–45.

¹⁶Ницше Ф. Указ. соч. Т. 1. – С. 96, 114, 112, 109.

¹⁷Там же. – С. 136.

¹⁸Шестов Л. Указ. соч. Т. 1. – С. 259.

¹⁹Не случайно М.М. Бахтин назвал этот термин «глубоко неверным» (Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2. – М.: Русские словари, 2000. – С. 17).

S. Kibalnichenko

Leo Tolstoy in the assessment of Vyacheslav Ivanov, or why Socrates?

Vyacheslav Ivanov was the first who followed analogies between Tolstoy and Socrates. Such a comparison ascends to the book «The birth of tragedy from the spirit of music» by F. Nietzsche which is based on the opposition of Socrates and Aeschylus, embodied different types of culture in their works, and which influenced a lot on the theorist of symbolism. Ivanov used the scheme created by the predecessor for realizing of spiritual processes that exist nowadays. The image of Socrates that is created in «Birth of tragedy» was projected on Tolstoy, and the place of Aeschylus was provided to Dostoevsky. The similar methodology led Ivanov to saying practically nothing about the Tolstoy`s artworks.

Keywords: *Alexandrian culture, Nietzsche, Socrates, Dostoevsky, myth, the novel-tragedy.*

Л.С. Шкурат

О толстовских традициях в романе Ю.В. Бондарева «Берег»

В статье отмечаются некоторые аспекты традиций Толстого в романе Бондарева «Берег». Делается акцент на преемственности в изображении Бондаревым психологии человека на войне, в создании характеров персонажей, в поэтике.

Ключевые слова: *Толстой, Бондарев, традиции, война, психологизм, поэтика.*

О Бондареве как о «писателе толстовской линии»¹, продолжателе батальных традиций Л.Н. Толстого в «военной» прозе XX в. высказывались многие критики и литературоведы, что, естественно, вовсе не случайно. Так, О.Н. Михайлов отмечал в книгах Бондарева «огромную зоркость» толстовского взгляда, охватывающего одновременно и всю широкую панораму действительности, и каждую самую мелкую ее деталь, подробность². В.А. Чалмаев выделил в характерах героев «военных» повестей и романов писателя «тушинскую традицию»: кротость, стыдливость перед собственным достоинством, простодушие³. Традициям Толстого-баталиста в творчестве Бондарева посвящены статьи В.В. Беловол, В.И. Прежевозинского,

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

Кафедра русского языка и литературы

Л.Н. Толстой и А.И. Солженицын: диалоги в непрощедшем времени

Материалы

Всероссийской научной конференции

(9 – 11 октября 2018 г., Липецк)

Липецк – 2018

УДК 882 + 908
ББК 83.3(2)4 + 83.3(2)5 + 83.3(2)6
Т 52

Издание материалов Всероссийской научной конференции осуществлено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-012-20039\18)

Л.Н. Толстой и А.И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции (9 – 11 октября 2018 г., Липецк). – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – 297 с.

Информация о материалах предоставлена в систему РИНЦ по договору №121-03/2017 от 29.03.2017 г.

ISBN 978-5-88526-968-1

Материалы конференции посвящены проблемам понимания творчества Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына в контексте духовной традиции русской культуры. Авторы статей ставят проблему сохранения русской классики в произведениях отечественной словесности XX – XXI вв. на примере расширения представлений о смысловых доминантах в творчестве Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына, разброс суждений о которых отличается бездоказательной противоречивостью, а также о языке русской литературы.

Сборник адресован научным работникам, аспирантам и магистрантам, студентам, учителям литературы и русского языка и читателям, интересующимся творчеством Л.Н. Толстого и А.И. Солженицына.

УДК 882 + 908
ББК 83.3(2)4 + 83.3(2)5 + 83.3(2)6
Т 52

Рецензенты:

М.В. Антонова, д-р филолог. наук, профессор,
зав. кафедрой истории русской литературы XI – XIX в. Орловского
государственного университета им. И.С. Тургенева,

М.В. Строганов, д-р филолог. наук, профессор Российского
государственного университета им. А.Н. Косыгина

Редакционная коллегия:

Кондратьев А.С., канд. филолог. наук, доцент, (отв. ред.)

Попова Е.А., д-р филолог. наук., профессор, (отв. ред.)

Романов Д.А., д-р филолог. наук., профессор

Шурупова О.С., д-р филолог. наук., доцент

Расторгуева В.С., канд. филолог. наук, доцент

Плеханова Л.П., канд. филолог. наук, доцент

Анисимов П.Д., студент

ISBN 978-5-88526-968-1

© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2018

Л.Н. Толстой и А.И. Солженицын в контексте духовной традиции, или когда параллельные пересекаются во времени

Получивший признание как мыслитель и художник, Толстой в Дневнике 26 октября 1907 г. заметил: «Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня <...> и говорить только с теми далекими по времени и месту, которые будут слышать меня». И Солженицын, прочитавший «Войну и мир» в десятилетнем возрасте и осознавший трагическую *пропасть* в национальном самосознании между веком XIX и испытаниями человека на духовную стойкость эпохой революции и Великой Отечественной, услышал Толстого. Гимназист Саня Лаженицын, из «Красного колеса», замысел которого возник у писателя под впечатлением толстовской *широты* охвата событий и *глубины* проникновения в духовные и сакральные сферы человеческой природы в масштабном повествовании о нашествии наполеоновской *орды*, поверженной далеко не презентабельным капитаном Тушиным, – встречается с Толстым в Ясной Поляне, а герои повести «Раковый корпус» читают «Чем люди живы» и открывают для себя сокрытый прежде от них смысл жизни. В интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала «Spiegel» 9 октября 1987 г. Солженицын особо подчеркнул настоятельную потребность восстановления едва ли не утраченного феномена духовного наследия в народной культуре: «<...> сотрясено до такой степени, что всякие линии связи с Десятым веком и параллели становятся трудными, их очень осторожно надо проводить». И Солженицын, преданный традиции русской классики, ведь развитие и новаторство немыслимы без укорененности в опыте, Нобелевский лауреат «за нравственную силу, с которой он следовал традициям русской литературы», – своей *подвижнической* деятельностью и *художественным* творчеством во имя спасения страны от неминуемого духовного исхода проводил эти самые, для кого-то незримые или и вовсе малозначимые – в новой-то реальности! – связи, вступал в диалог с Толстым и отвечал вместе со своим собеседником на тревожные вызовы нашего мятежного времени: оголтелая до явного безумия русофобия, Украина – кто бы мог представить ее проблемой, хотя и чувствовалось деформация духовных доминант человеческой природы, расшатанность и зыбкость аксиологических ориентиров, гендерных различий и много чего другого, а каждый день – нам неожиданные сюрпризы и приветы из духовного *зазеркалья*.

В сборнике представлены работы, посвященные проблеме горизонта понимания русской классики, прирастающей в «большом времени» (И.А. Есаулов) новыми смыслами, поскольку 190-летие со дня рождения Толстого и 100-летие Солженицына направляют исследовательскую мысль и читательское восприятие на освоение преемственности этапов историко-литературного процесса в контексте духовных и социальных реалий современности.

*Сочинения Толстого цитируются по изданию: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.: ГИХЛ, 1928-1958. Указания на том и страницу даются в круглых скобках.

Сочинения Солженицына цитируются по изданию: Солженицын А.И. Малое собр. соч.: в 7 т. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. Указания на том и страницу даются в прямых скобках.